

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>EDN: <https://elibrary.ru/wskmuf>

УДК / UDC 81'443:811.511.152.2

Оригинальная статья / Original article

Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала

Г. С. Иванова¹✉, Л. П. Водясова², Н. В. Иванова³¹ МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация² Мордовский государственный педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация³ Морская техническая академия имени адмирала Д. Н. Сенявина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация✉ galina17-05@yandex.ru

Аннотация

Введение. Мокшанские говоры Рузаевского района Республики Мордовия уникальны в своем составе, поскольку на небольшом расстоянии друг от друга соседствуют говоры всех трех типов: ёкающие, экающие и икающие. До настоящего времени говоры рузаевского ареала изучались недостаточно глубоко, а работы, посвященные морфонологическим особенностям в парадигме именного словоизменения, отсутствуют вообще. Цель исследования – изучить парадигму основного склонения мокшанских говоров сузгарьевского типа и выявить их морфонологические особенности.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили образцы диалектной речи, собранные авторами во время научных экспедиций на территории Рузаевского района Республики Мордовия, а также данные, содержащиеся в словарном кабинете кафедры мордовских языков филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва. Анализ диалектного материала проводился с применением синхронно-описательного, сравнительно-исторического, а также структурного методов исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ имеющегося диалектного материала показал, что сузгарьевский тип говоров является экающим. Он менее архаичен по сравнению с ёкающими левжинскими говорами. В исследуемых говорах в парадигме основного склонения под действием определенных фонетических процессов при агглютинации реляционных аффиксов исходные основы существительного ведут себя по-разному: в одних случаях встречается сохранение основы, в других – удлинение или сокращение, может наблюдаться восстановление исторической основы, закономерное оглушение конечной звонкой согласной основы, сохранение гласной основы в одних фонетических позициях, ее сужение до гласного среднего подъема – в других, передвижка артикуляции конечной гласной к заднему ряду.

Заключение. Авторами впервые в мордовском языкознании рассматриваются морфонологические особенности говоров данного ареала. Исследование особенностей сузгарьевских говоров в парадигме основного склонения позволит выявить отличительные признаки рассматриваемого типа говоров в области именного словоизменения и в некоторой степени определить становление диалектной системы рузаевского ареала. Статья вносит вклад в изучение диалектной морфонологии мокшанского языка и обогащает общую теорию данного языкового явления.

Ключевые слова: мокшанский язык, говор, парадигма склонения, морфонологические особенности, основа, аффикс, ассимилятивные процессы

© Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иванова Г.С., Водясова Л.П., Иванова Н.В. Морфологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

Morphonological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area

G. S. Ivanova^a✉, L. P. Vodyasova^b, N. V. Ivanova^c

^a National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation

^b Mordovian State Pedagogical University
named after M. E. Evseev, Saransk, Russian Federation

^c Admiral Senyavin Maritime Technical Academy,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ galina17-05@yandex.ru

Abstract

Introduction. The Moksha dialects of the Ruzaevsky district in the Republic of Mordovia are unique in their composition, as they encompass all three types of dialects – äkaing, ekaing, and ikaing – within a relatively small geographical area. To date, the dialects of the Ruzaevsky region have not been studied in depth, and there is a notable absence of research focused on morphonological features in the paradigm of nominal declension. The aim of this study is to examine the paradigm of the primary declension in the Moksha dialects of the Suzgariy type and identify their morphonological characteristics.

Materials and Methods. The study was based on dialectal speech samples collected by the authors during field expeditions to the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia, as well as data from the dictionary collection of the Department of Mordvin Languages at the Philological Faculty of National Research Mordovia State University. The dialectal material was analyzed using a combination of synchronic-descriptive, comparative-historical, and structural research methods.

Results and Discussion. The analysis of the available dialectal material has shown that the Suzgar type of speech is an “eka” dialect. It is less archaic compared to the “äka” dialects of the Levzhin region. In the dialects under study, within the paradigm of the primary declension, under the influence of certain phonetic processes during the agglutination of relational affixes, the initial noun stems exhibit varied behavior: in some cases, the stem is preserved, in others, there is lengthening or shortening. Historical stems may be restored, there can be a systematic voicing of the final voiced consonant of the stem, the vowel of the stem is preserved in some phonetic positions, and in others, it is reduced to a mid-height vowel, with shifts in the articulation of the final vowel towards the back of the mouth.

Conclusion. For the first time in Mordovian linguistics, the authors explore the morphonological features of the dialects from this region. The study of the features of the Suzgar dialects within the paradigm of the primary declension will reveal the distinguishing characteristics of this dialect type in the area of nominal inflection and, to some extent, contribute to the understanding of the development of the dialectal system of the Ruzaevsky region. This article contributes to the study of the dialectal morphonology of the Moksha language and enriches the general theory of this linguistic phenomenon.

Keywords: Moksha language, dialect, declension paradigm, morphological features, base, affix, assimilative processes

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant № 25-28-00193 “Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ivanova G.S., Vodyasova L.P., Ivanova N.V. Morphonological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area. *Finn-Ugric World*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

Введение

Изучение диалектов мордовских языков и диалектных особенностей непосредственно мокшанского языка было начато в конце XIX – начале XX в. зарубежными исследователями (А. Алквист, Х. Паасонен, П. Равила, В. Штйниц, Э. Итконен и др.¹). Развивали изучение отечественные лингвисты (Д. В. Бубрих, А. А. Шахматов, Б. А. Серебренников, А. П. Феоктистов²) и молодые ученые³ отдела языкознания Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. В первой четверти XXI в. были представлены комплексные работы Г. С. Ивановой, М. З. Левиной, Н. Ф. Кукушкиной, И. Я. Жебрatкиной, Н. В. Ивановой по результатам изучения мокшанских диалектов⁴.

А. П. Феоктистов в работе «Мордовские диалекты», представляя диалектную классификацию мокшанского языка, говоры Рузаевского района Мордовской АССР (в частности сс. Левжа (*l'evži*), Перхляй (*pər l'ej*), Сузгарье (*suzg'er'g'e*), Трусклый (*turksl'ej*), Пушкино (*puškina*) и др.) отнес к краснослободско-синдровско-шайговско-левжинской подгруппе говоров центрального диалекта, учитывая в том числе и территориальный принцип разграничения. Автор указывает: «Рассматриваемая подгруппа (как, впрочем, и темниковско-атюрьеvская и рыбкинско-мамолаевская) исторически стала ядром формирования мокшанского письменно-литературного языка...»⁵. Однако при более детальном изучении диалектных особенностей мокшанских говоров рузаевского ареала выявляется их относительная неоднородность как на фонетическом, так и морфологическом уровне [1].

Анализ собранного авторами диалектного материала показал, что сузгарьевские говоры рузаевского ареала представляют собой экающий тип говоров мокшанского языка и территориально находятся в разноязычном окружении: наряду с другими говорами центрального диалекта, с юга соседствуют с икающими говорами инсарского диалекта и Пензенской области, с востока – с эрзянскими говорами Кочкуровского района, с севера и запада – с русскими говорами.

¹ Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. St. Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 s.; Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893; Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.; Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1938–1981; Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // Nyelvtudományi közlemények: L. Budapest : Magyar Tudományok Akadémia Nyelvtudományi Intézetének, 1936. Köt. 50. P. 381–385; Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Series B, Linguistica 2. Stockholm : Acta Instituti Hungarici Universitatis Hominis, 1944. 144 p.; Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. XXIX, heft 1–3. P. 222–337.

² Бубрих Д. В. Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск : Мордгиз, 1935. 46 с.; Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. 848 с.; Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М. : Наука, 1967. 262 с.; Феоктистов А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа. М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. Т. LXIII. Вып. 1. С. 63–83.

³ Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433; Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226; Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.; Чудаева О. И. Старо-пшневский говор мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 3. С. 27–49.

⁴ Иванова Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 176 с.; Левина М. З. Мокшень диалектологиясь. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 176 с.; Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 21 с.; Жебрatкина И. Я. Глушковско-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2013. 19 с.; Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка (фонетика, словоизменение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.

⁵ Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. 1. P. 78.

Принятое ученым сообществом понятие «морфонология» неоднозначно⁶, в научное обращение его впервые ввел Н. С. Трубецкой⁷. В современном отечественном языкознании морфонология представляет собой самостоятельный ярус, занимающий промежуточное положение между фонологией и морфологией.

Отметим, что до настоящего времени вопросы морфонологии, имеющие место в мокшанском диалектном ареале, равно как и в мокшанских говорах Рузаевского района, в качестве предмета специального исследования не рассматривались, чем и объясняется актуальность данной работы. Основная задача статьи заключается в выявлении морфонологических особенностей в рассматриваемых говорах при агглютинации словоизменительных аффиксов, что в свою очередь предполагает определение фонетических процессов, действующих на морфемном шве при взаимной адаптации фонем, относящихся к разным морфемам, а также их влияния на варьирование основ имени существительного в разных падежных формах. В качестве сопоставительного материала использовались диалектные данные левжинского типа мокшанских говоров и эрзянского языка.

Цель исследования – описать морфонологические особенности парадигмы основного склонения в мокшанских говорах сузгарьевского типа.

Обзор литературы

Из основных мордовских языков проблемы морфонологии лучше освещены в отношении эрзянского языка. Так, в работах Д. В. Цыганкина дается описание морфонологических явлений в области именного и глагольного словоизменения, а также морфонологии форм категории определенности [2], находящих различные параллели в диалектном ареале⁸. Термин «морфонология» был впервые использован автором применительно к анализу словоизменительной именной парадигмы. М. Д. Имайкина выявляет фузийные процессы, возникающие на стыке основы слова и падежных суффиксов⁹, большинство из которых также находит отражение в системе категории посессивности в смешанных эрзя-мокшанских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия, описанных эрзянскими диалектологами И. Н. Рябовым, Н. А. Агафоновой, Г. В. Рябовой [3]. Авторы сравнивают морфологические маркеры принадлежности и их функционирование в падежных парадигмах говоров. Морфонологические чередования гласных и согласных достаточно последовательно представлены в труде Г. И. Ермушкина «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык)», где отдельно дается описание изоглоссных явлений в корневых и суффиксальных морфемах¹⁰.

Впервые на чередование основ в эрзянском языке обратил внимание Д. В. Бубрих. В процессе рассмотрения парадигмы основного склонения он приходит к выводу о разных морфонологических видах одного и того же слова¹¹.

Объемное исследование морфонологии форм имени существительного в n^2 -овых говорах эрзянского языка представлено в диссертации А. М. Харитоновой, где подверглись анализу морфонологические процессы, происходящие в словоизменительных парадигмах имен существительных в пяти диалектных кустах, сохранивших финно-угорский согласный n^2 , объединенных общими фонематическими и морфологическими особенностями. В частности, среди морфонологических явлений выделяются: «чередование

⁶ Реформатский А. А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // Фонологические этюды. М. : Наука, 1975. С. 98.

⁷ Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. С. 115.

⁸ Цыганкин Д. В. Морфонологические особенности диалектного словоизменения (основное склонение) // Вопросы морфонологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование). Саранск, 1977. С. 60–75; Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск : Красный Октябрь, 2000. 316 с.

⁹ Имайкина М. Д. Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 326 с.

¹⁰ Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 140 с.

¹¹ Цит. по: Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 140 с.

звуков основы, усечение словоизменительной основы, наложение сочетающихся морфем, интерфиксация, наращение словоизменительной основы, морфонологические процессы в аффиксальных морфах, мотивированные сочетания согласных. Все эти явления приводят к взаимоприспособлению соединяющихся морфем»¹².

Вопросы морфонологии именного словоизменения в диалектах мокшанского языка вообще и в говорах рузаевского ареала в частности до сих пор оставались вне поля зрения ученых, однако в ряде работ по мокшанскому языку в связи с исследованием отдельных проблем фонетики и морфологии нашли отражение и собственно морфонологические модификации в словоформах. Так, морфонология именного суффиксального словообразования в мокшанском языке рассматривается в отдельной главе диссертационного исследования Л. И. Кокнаевой¹³. Автором представлены словообразующие суффиксы для каждой именной части речи и выявлены фонетические изменения, возникающие при их агглютинации. Морфонология мокшанского глагольного словообразования также находит отражение в работах С. И. Моськиной¹⁴, в которых дается морфонологическое описание производных глагольных структур в мокшанском и эрзянском языках и представлены звуковые изменения на морфемном шве. Развитие прафинно-угорской основы в мокшанских диалектах под влиянием разного рода фонетических процессов, приведших к образованию консонантных комплексов на стыке корневой и суффиксальной морфемы, рассматривается в исследованиях Г. С. Ивановой [4], М. В. Мосина, Н. М. Мосиной [5], взгляды авторов совпадают относительно того, что стечения согласных на морфемном стыке – явление инновационное, напрямую связанное с выпадением исторического гласного производящей основы.

В современном финно-угроведении в связи с большим количеством накопленного диалектного материала по финно-угорским языкам и развитием компьютерных технологий исследование диалектов перешло на новый уровень, где, наряду с традиционными [6–9], большое внимание уделяется изоглоссным и диалектометрическим методам [10–12], позволяющим привести многоуровневые диалектные классификации любого языка с возможностью цифровизации данных [13; 14]. Современный подход к исследованию мокшанских диалектов представлен в монографической работе московских диалектологов¹⁵, в которой на материале темниковских говоров охватывается широкий спектр грамматических явлений – от морфонологии именного и глагольного формообразования до вариативного маркирования прямого дополнения и синтаксических особенностей полипредикативных конструкций. Анализ глушковско-алексовских говоров мокшанского языка показал, что они обладают уникальным словоизменительным потенциалом, позволяющим отделить их от других говоров и детерминировать как отдельную группу в системе мокшанских диалектов [15]. Авторы, исследующие архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов, приходят к выводу: в парадигмах определенного склонения единственного числа существуют разные наборы падежей и отсутствует единая структура словоформ. Одни парадигмы архаичны, последовательны и логичны, в составе других развились новообразования, появились омонимичные падежные суффиксы и послеложные конструкции [16].

Материалы и методы

В исследовании авторами использовался диалектный материал, собранный во время диалектологических экспедиций и специальных выездов в с. Сузгарье, Палаевка, Левжа, Куликовка Рузаевского района Республики Мордовия в период с 2018 по 2024 г., а также бо-

¹² Харитонов А. М. Морфология форм имени существительного (н^г-овые говоры эрзянского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998. С. 14.

¹³ Кокнаева Л. И. Именное словообразование в мокшанском языке (морфологический способ образования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1995. 20 с.

¹⁴ Моськина С. И. Сравнительное словообразование и морфонологические описания производных глагольных структур в мокшанском и эрзянском языках. Саранск, 2008. 114 с.; Моськина С. И. Морфонология мокшанского глагольного словообразования. Саранск, 2006. 100 с.

¹⁵ Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / под ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), [и др.]. М. : Буки Веди, 2018. 1014 с.

гатаый диалектный материал словарного кабинета (МСК) кафедры мордовских языков, собиравшийся в течение нескольких десятилетий во время диалектологических практик. В процессе работы с информантами для сбора диалектных данных был применен вопросник В. Д. Объедкина (1960 г.)¹⁶, а также инструкция по собиранию диалектологического материала Д. В. Бубриха (1935 г.)¹⁷.

Анализ диалектного материала проводился с применением синхронно-описательного, сравнительно-исторического и структурного методов исследования. В качестве информантов были привлечены М. Н. Миронова, 1974 г. р.; Н. Н. Амбаева, 1976 г. р.; А. М. Дивеева, 1965 г. р.; Л. П. Канаева, 1966 г. р.; Г. П. Макаров, 1959 г. р.

Результаты исследования и их обсуждение

В основном склонении мокшанских говоров сузгарьевского типа, как и в мокшанском литературном языке, 13 падежей. Оно отличается от указательного и притяжательного склонений (в которых 3 и 10 падежей соответственно) отсутствием формантов определенности и посессивности, в связи с этим падежные аффиксы присоединяются непосредственно к основе слова. В мокшанском языке, особенно в отдельных его диалектах, падежные форманты в парадигме основного склонения употребляются в нескольких вариантах.

Агглютинация того или иного алломорфа зависит от качества конечного гласного или согласного корневой морфемы исходного слова, а далее на морфемном шве, в результате позиционной мены, под воздействием разного рода ассимилятивных процессов между соседствующими фонетическими единицами в большинстве случаев наблюдается трансформация первичной основы существительного. Следует отметить, что основы слов в мокшанском языке не однотипны. В академической «Грамматике мордовских языков» (1980 г.) все существительные в системе основного склонения подразделяются на два типа: «с основой на конечный гласный (гласная основа) и с основой на конечный согласный (согласная основа)»¹⁸.

В свою очередь, гласные основы существительного в сузгарьевском типе говоров можно разделить на *аовые* и *неаовые* и, в отличие от большинства говоров мокшанского языка, где имеются две аовые основы, на: 1) основы, оканчивающиеся на гласную заднего ряда нижнего подъема *a*; 2) основы, оканчивающиеся на гласную переднего ряда нижнего подъема *ä* (в сузгарьевских говорах имеет место только первая). Неаовых основ в рассматриваемом типе говоров больше, чем в остальных говорах данного ареала, и они могут оканчиваться на гласные *e*, *u*, *i*, *ë* [ə], *ä* [ə].

В парадигме основного склонения перед падежными формантами гласные основы имени существительного ведут себя неодинаково.

Гласный *a* – самый устойчивый к изменениям общемордовский гласный. Основы на *a* одинаково хорошо сохранились в обоих мордовских языках, среди которых есть слова как исконного происхождения, так и давние заимствования, например: *jalga* ‘друг’ < об. мд. ¹⁹ **jalga*; *unža* ‘жук, букашка’ < об. мд. **unža*; *varma* ‘ветер’ < об. мд. **varma*; *lopa* ‘лист’ < об. мд. **lopa*; *surna* ‘морда’ < об. мд. **surna*; *ava* ‘женщина’ < об. мд. **ava*.

В рассматриваемых говорах аовая основа прослеживается во всех падежных формах основного склонения: ном. *jalga*, ген. *jalga-n*’, дат. *jalga-n*’*d*’*i*, абл. *jalga-dä*, инес. *jalga-sä*, эл. *jalga-stä*, илл. *jalga-s*, лат. *jalga-v*, прол. *jalga-va*, транс. *jalga-ks*, комп. *jalga-ška*, абес. *jalga-ftätmä*, кауз. *jalga-nksä*.

После аовой основы (а также звонкого согласного исходной основы, за исключением взрывных *d*, *d*’, *b*, *g*), в аблативе основного склонения на морфемном шве историче-

¹⁶ Объедкин В. Д. Вопросник для собирания сведений по диалектам мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1960. 106 с.

¹⁷ Бубрих Д. В. Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск : Мордгиз, 1935. 46 с.

¹⁸ Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1980. С. 153.

¹⁹ об. мд. – общемордовский язык.

ский глухой согласный аффиксальной морфемы в межвокальном положении озвончился – $*t > d$, в связи с этим под действием закона сингармонизма к аовой основе из четырех алломорфов ($-d\check{a}$, $-d'\check{e}$, $-t\check{a}$, $-t'\check{e} < *ta$) присоединяется вариант со звонким согласным и редуцированным гласным заднего ряда – $-d\check{a}$: *surna-d\check{a}* ‘от морды’, *aka-d\check{a}* ‘от сестры’, *ava-d\check{a}* ‘от женщины’, *varma-d\check{a}* ‘от ветра’.

В пролативе к аовой основе из пяти алломорфов ($-va$, $-ga$, $-ka$, $-ge$, $-ke$), как и в других диалектах, присоединяется вариант со щелевым согласным и гласным заднего ряда $-va$: *paks'a-va* ‘по полю’, *pr'a-va* ‘по голове’, *o\check{z}a-va* ‘по рукаву’, *k\check{e}rga-va* ‘по шее’.

Основы на редуцированные гласные $\check{e}$, $\check{a}$ (в соседнем левжинском говоре им соответствуют гласные $\check{a}$, $\check{a}$) подразделяются на две группы:

1) редуцированному гласному конца основы предшествует одиночный согласный (за исключением взрывного k), сочетание двух сонорных или сочетание согласных со щелевым: (сзг.²⁰ *pil'ě* ‘ухо’, лвж.²¹ *pil'ä*; сзг. *vel'ě* ‘село, деревня’, лвж. *vel'ä*; сзг. *t'isě* ‘трава, сено’, лвж. *t'isä*; сзг. *s'el'mě* ‘глаз’, лвж. *s'el'mä*; сзг. *t'el'mě* ‘веник’, лвж. *t'äl'mä*; сзг. *kajmě* ‘лопата’, лвж. *kajmä*; сзг., лвж. *vašā* ‘жеребенок’; сзг., лвж. *s'ulmā* ‘узел’; сзг. *s'oks'ě* ‘осень’, лвж. *s'oks'ä*);

2) редуцированному гласному конца основы предшествует сочетание согласных, второй из которых – смычный взрывной (сзг. *pil'gě* ‘нога’, лвж. *pil'gä*; сзг. *čivgě* ‘калина’, лвж. *čivg'ä*; сзг., лвж. *pandā* ‘гора’; сзг. *pan'd'ě* ‘грядка’, лвж. *pan'd'ä*; сзг., лвж. *šaLkā* ‘нос’).

В первой группе первичная основа на редуцированную гласную сохраняется во всей парадигме: ном. *s'ulmā*, ген. *s'ulmā-n'*, дат. *s'ulmā-n'd'i*, абл. *s'ulmā-dā*, инес. *s'ulmā-sā*, эл. *s'ulmā-stā*, илл. *s'ulmā-s*, лат. *s'ulmā-v*, прол. *s'ulmā-va*, транс. *s'ulmā-ks*, комп. *s'ulmā-ška*, абес. *s'ulmā-ftāmā*, кауз. *s'ulmā-ηksā*.

Во второй группе слов редуцированная гласная проявляется следующим образом: в формах номинатива, генитива, датива, пролатива, транслатива, компаратива, каузатива перед сонорными согласными n' , n , η , звонким шумным v , глухим щелевым $\check{s}$ – сохраняется: а) *čivgě*, ген. *čivgā-n'*, дат. *čivgā-n'd'i*, прол. *čivgā-va*, транс. *čivgā-ks*, комп. *čivgā-ška*, кауз. *čivgā-ηksā*; в остальных формах перед взрывным согласным аффикса t , а также щелевыми s , s' , f – выпадает, образуя усеченную основу: б) абл. *čivk-tā*, инес. *čivk-sā*, эл. *čivk-stā*, илл. *čivk-s*, абес. *čivk-ftāmā* (информанты: Амбаева, Миронова, Дивеева, Макаров).

В результате выпадения редуцированного гласного усеченная основа наблюдается и в номинативе множественного числа перед взрывными переднеязычными t , t' , которые впоследствии подвергли регрессивному оглушению конечный взрывной согласный усеченной основы: *čivgě* – *čivk-t*; *pil'gě* – *pil'k-t*, *pandā* – *pant-t*, *pan'd'ě* – *pan't-t'*.

В говоре имеется большая группа слов, основа которых оканчивается на гласную полного образования e , которой в левжинском типе говоров рузаевского ареала соответствует гласная $\check{a}$ (сзг. *al'e* ‘мужчина; отец’, лвж. *al'ä*; сзг. *val'me* ‘окно’, лвж. *val'mä*; сзг. *š's'et'e* ‘дед по матери’, лвж. *š's'ät'ä* и т. д.).

В синхронном плане конечная гласная исходной основы в одних фонетических позициях сохраняет свое качество, в других наблюдается чередование $e // a$ (в левжинском типе говоров – $\check{a} // a$).

Гласная e сохраняется перед палатализованным согласным аффиксальной морфемы в формах генитива и датива, в остальных падежных формах (аблативе, инессиве, элативе, иллative, лативе, пролативе, транслативе, компаративе, абессиве, каузативе, в номинативе множественного числа) при позиционной мене в результате регрессивной контактной аккомодации перед твердым парным согласным чередуется с гласным заднего ряда a , как и в левжинских говорах, где аккомодация касается гласной переднего ряда нижнего

²⁰ сзг. – сузгарьевский тип говоров.

²¹ лвж. – левжинский тип говоров.

подъема *ä*, сравним: а) ген. сзг. *val'me-n'*, лвж. *val'mü-n'*; сзг. *š's'et'e-n'*, лвж. *š's'ät'ü-n'*; дат. сзг. *val'me-n'd'i*, лвж. *val'mü-n'd'i*; сзг. *š's'et'e-n'd'i*, лвж. *š's'ät'ü-n'd'i*, но б) абл. сзг., лвж. *val'ma-dä*; сзг. *š's'et'a-dä*, лвж. *š's'ät'a-dä*; инес. сзг., лвж. *val'ma-sä*; сзг. *š's'et'a-sä*, лвж. *š's'ät'a-sä*; эл. сзг., лвж. *val'ma-stä*; сзг. *š's'et'a-stä*, лвж. *š's'ät'a-stä*; илл. сзг., лвж. *val'ma-s*; сзг. *š's'et'a-s*, лвж. *š's'ät'a-s*; лат. сзг., лвж. *val'ma-v*; прол. сзг., лвж. *val'ma-va*; сзг. *š's'et'a-va*, лвж. *š's'ät'a-va*; транс. сзг., лвж. *val'ma-ks*; сзг. *š's'et'a-ks*, лвж. *š's'ät'a-ks*; комп. сзг., лвж. *val'ma-ška*; сзг. *š's'et'a-ška*, лвж. *š's'ät'a-ška*; абес. сзг., лвж. *val'ma-ftämä*; сзг. *š's'et'a-ftämä*, лвж. *š's'ät'a-ftämä*; кауз. сзг., лвж. *val'ma-ηksä*; сзг. *š's'et'a-ηksä*, лвж. *š's'ät'a-ηksä*; ном. сзг., лвж. *val'ma-t*; сзг. *š's'et'a-t*, лвж. *š's'ät'a-t* (информанты: Амбаева, Миронова, Дивеева, Канаева, Макаров).

Относительно древности гласной *e* авторы придерживаются мнения, что в говорах сузгарьевского типа она вторична и появилась в результате сужения общемокшанской *ä* в слабой позиции, а позиция конца слова и положение между палатальными и палатализованными согласными таковыми и являются. Это косвенно подтверждается диалектными соответствиями в работе Х. Паасонена, где часть материала была собрана на территории икающего диалекта мокшанского языка, граничащего с сузгарьевскими говорами, где вместо *e* повсеместно выступает *ä* в таких лексических единицах, как *al'gä* 'старший брат', *al'ä* 'мужчина, мужик', *at'ä* 'дед', *t'äd'ä* 'мама'²² и др., тогда как в настоящее время в ареале распространения икающего диалекта во всех соответствующих позициях вместо *ä* употребляется *e*: *al'ge*, *al'e*, *at'e*, *t'ed'e* / *t'er'e* [1]. В то же время общемордовское происхождение гласной *ä* в говорах левжинского типа также вызывает сомнение, так как в эрзянском языке мокшанской *ä* соответствует гласная заднего ряда *a*, архаичность которой подтверждается чередованием *ä* // *a* на морфемном шве в сильной позиции. Например: сзг. *kul'ë*, лвж. *kul'ä*, э.²³ *kul'a* «известие» // сзг., лвж., э. *kul'a-t* 'известия'; сзг. *kon'ë*, лвж. *kon'ä*, э. *kon'a* 'лоб' // сзг., лвж., э. *kon'a-t* 'лбы'; сзг. *pac'ë*, лвж. *pac'ä*, э. *pac'a* 'крыло' // сзг., лвж., э. *pac'a-t* 'крылья'.

Нашу точку зрения подтверждает также наличие существительных, пришедших из других языков, в конце которых, по закономерностям мокшанского языка, вместо оригинального *a* развился гласный *ä* – в левжинском типе говоров, *e* – в сузгарьевском типе говоров. Однако перед твердым согласным аффикса *a* проявляется в обоих типах говоров, а в эрзянском языке *a* сохраняет свое качество во всех формах, например: сзг. *kapl'ë*, лвж. *kapl'ä*, э. *kapl'a* 'капля' // сзг., лвж., э. *kapl'a-t* 'капли'; сзг. *van'ë*, лвж. *van'ä*, э. *van'a* 'Ваня' // сзг., лвж., э. *van'a-t* 'Вани'; сзг. *koz'ë*, лвж. *koz'ä*, э. *koz'a* 'богач' // сзг., лвж., э. *koz'a-t* 'богачи'; ср.: тат.²⁴ *хужа*, башк.²⁵ *хожа* 'хозяин, владелец', чув.²⁶ *хоса* (< перс.²⁷ *коджа*), а также в мр.²⁸ *оза*, *хоза*.

Основы на гласные *u*, *i* в рассматриваемых говорах являются усеченными, они взяли свое начало от общемордовских дифтонгических сочетаний. Существительные с основой, оканчивающейся на *u*, составляют небольшую группу слов, конечный *u* в них восходит к сочетанию **uv*: *karu* (< **karuv*) 'муха', *kelu* (< **keluv*) 'береза', *todu* (< **toduv*) 'подушка', *kulu* (< **kuluv*) 'зола', *kuc'u* (< **kuc'u*) 'ложка', *šudäžu* (< **šudäžuv*) 'репей', *šukštäru* (< **šukštäruv*) 'смородина'; большая по численности группа существительных с основой на гласный переднего ряда *i* восходит к сочетаниям **ij* (**ij*): ср.: *s'el'i* (< **s'el'ij*) 'осина', *mac'i* (< **mac'ij*) 'гусь', *ješi* (< **ješij*) 'колодец', *il'i* (< **il'ij*) 'прут', *s'ed'i* (< **s'ed'ij*) 'сердце', *in'əz'i* (< **in'əz'ij*) 'малина', *suvəz'i* (< **suvəz'ij*) 'глухарь' и др., к ним присоединяются субстантивированные прилагательные и причастия настоящего времени типа

²² Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. P. 35; 37; 85.

²³ э. – эрзянский язык.

²⁴ тат. – татарский язык.

²⁵ башк. – башкирский язык.

²⁶ чув. – чувашский язык.

²⁷ перс. – персидский язык.

²⁸ мр. – марийский язык.

s'er'i (< **s'er'ij*) 'высокий', *keli* (< **kelij*) 'широкий', **vanī* (< **vanij*) 'смотрящий', *mol'i* (< **mol'ij*) 'идуший' и др., которые исторически являются производными.

В парадигме основного склонения в рассматриваемом типе говоров полная дифтонгическая основа восстанавливается в форме генитива, датива, каузатива, транслатива перед интерфиксальным гласным, который способствует еще и ее удлинению, например: ном. *kelu* – ген. *keluv-ə-n'*, дат. *keluv-ə-n'd'i*, кауз. *keluv-ə-ŋksä*, транс. *keluv-ə-ks*; ном. *suvəz'i* – ген. *suvəz'ij-ə-n'*, дат. *suvəz'ij-ə-n'd'i*, кауз. *suvəz'ij-ə-ŋksä*, транс. *suvəz'ij-ə-ks* (информанты: Амбаева, Миронова).

Отметим, что аналогичное явление наблюдается и в других склонениях. Например, в притяжательном склонении историческая основа с дифтонгическим сочетанием восстанавливается перед интерфиксальным гласным, возникшим на морфемном шве между основной и аффиксом посессивности в рядах *монь*, *сонь*, *минь*, *тинь* и в форме множественного числа ряда *тонь*. Кроме номинатива, дифтонгическое сочетание имеет место в тех же падежных формах, что и в основном склонении, в то время как в ряде *синь* выступает усеченная основа, например: *keluv-ə-z'ě* 'моя береза', *keluv-ə-n'ě* 'мои березы', *keluf-n'ě* 'твоя береза', *keluv-ə-c* 'его береза', *keluv-ə-nzä* 'его березы', *keluv-ə-n'kě* 'наши березы', *keluv-ə-z'an'*, *keluv-ə-z't'i* и др., но *kelu-c'ě* 'твоя береза', *kelu-snä* 'их березы' (МСК).

В форме множественного числа основного склонения общемордовские дифтонгические сочетания конца основы **uv*, **ij(ij)* в рассматриваемых говорах сохраняются, однако согласные *v*, *j*, находясь перед глухими согласными *t*, *t'* аффикса, как и все звонкие согласные, претерпевают регрессивное оглушение – *v* → *f*, *j* → *J*, например: *kelu* < **keluv* → *keluf-t* 'береза – березы', *suvəz'i* < **suvəz'ij* → *suvəz'ij-t* 'глухарь – глухари'. В указательном склонении процесс пошел дальше: полная основа выступает во всей парадигме множественного числа перед «скрытым» формантом *t* в суффиксе указательной множественности, который выпал, однако перед выпадением оглушил согласный из дифтонгического сочетания – **ij(ij)* > *iJ(iJ)*; **uv* > *uf*: *todu* 'подушка' – *toduf-n'ě* < **toduf-t'n'ě*, *toduf-n'an'* < **toduf-t'n'an'*, *toduf-n'an'd'i* < **toduf-t'n'an'd'i*; *s'ed'i* 'сердце' – *s'ed'ij-n'ě* < **s'ed'ij-t'n'ě*, *s'ed'ij-n'an'* < **s'ed'ij-t'n'an'*, *s'ed'ij-n'an'd'i* < **s'ed'ij-t'n'an'd'i* (МСК).

Согласные основы в сузгарьевском типе говоров в парадигме основного склонения также претерпели изменения. В рассматриваемых говорах много существительных с односложной основой: *lov* 'снег', *pej* 'зуб', *kov* 'луна, месяц', *vir* 'лес', *kel* 'язык', *val* 'слово', *s'er* 'рост', *sur* 'палец', *kež* 'злость'. Относительно происхождения подобных основ в финно-угорском языкознании единого мнения до сих пор нет. Одни исследователи считают, что прафинно-угорские основы были двусложными и оканчивались на гласный, а односложные появились в результате синкопирования исторического гласного основы в период отдельного развития финно-угорских языков²⁹. Однако если учесть, что односложные слова имеются во всех финно-угорских языках, а в мордовских – это большая группа слов, то можно предположить, что слова с односложной основой могли присутствовать и в прафинно-угорском языке. Нам более близка вторая точка зрения, которую высказывал и профессор Д. В. Цыганкин³⁰.

В рассматриваемых говорах в отдельных падежных формах основного склонения в результате интерфиксации наблюдается удлинение односложной основы. Это происходит в формах генитива – *valə-n'*, *pejə-n'*, *kovə-n'*, *s'er-ə-n'*; датива – *valə-n'd'i*, *pejə-n'd'i*, *kovə-n'd'i*, *s'er-ə-n'd'i*; каузатива – *valə-ŋksä*, *pejə-ŋksä*, *kovə-ŋksä*, *s'er-ə-ŋksä*; у небольшой группы слов в форме инессива, например: *kas's' al'anc s'er-ə-sä* 'вырос с отца', *er'ams vir-ə-sä* 'жить в лесу'; элатива – *l'is's' vir-ə-stä* 'вышел из леса'; иллатива – *s'er-ə-s al'a-škanzä* 'ростом со своего отца', *pačkad'ams vir-ə-s* 'дойти до леса'; компаратива – *al'anc s'er-ə-ška* 'он ростом как отец', *oc'u vir-ə-ška* 'с большой лес (раз-

²⁹ Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki : Suomalais-ugrilaisen Seuran, 1999. 183 p.

³⁰ Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста.

мерами)'. Основа удлиняется за счет вставочного гласного перед сонорным согласным, реже – перед щелевым.

В сузгарьевских говорах, как и в мокшанском литературном языке, в исходе односложных слов (в отличие от двусложных) звонкий согласный свою артикуляцию сохраняет: *kuz* 'ель', *vaz* 'шапка', *kež* 'злость, злоба', *pej* 'зуб', *snav* 'горошина, горох', *kud* 'дом', *s'ed* 'мост', *val* 'слово', *jam* 'каша', *jan* 'тропа', *ur* 'белка', *par* 'кадушка, бочка', *peI* 'кол'; в то время как в двусложных словах звонкие шумные согласные *z*, *z'*, *ž* оглушаются: *saras* 'курица', *kelas* 'лиса', *iməš* 'ягода, фрукт, овощ' (информанты: Амбаева, Миронова, Канаева).

Односложные основы, оканчивающиеся на звонкий согласный, проявляются по-разному. Так, если в конце основы выступает взрывной *d*, *d'* или *b*, то в форме аблатива, где имеются варианты только с твердыми согласными и заднерядным редуцированным гласным (*-dāl/-tā*), основа присоединяет к себе алломорф не со звонким согласным (*-dā*), как все остальные односложные основы, а с глухим – *-tā*, как если бы основа оканчивалась на глухой согласный. Согласные *t*, *t'* ассимилируют предыдущий звонкий согласный основы по признаку глухости. Данное явление затрагивает как исконные слова, так и заимствования: *sud* 'кора, суд' – *sut-tā*, *ked* 'пука, кожа' – *ket'-tā*, *strub* 'спуб' – *strup-tā*, а также *koš* 'шалаш' – *koš-tā*, *flak* 'флаг' – *flak-tā*, но *šov* 'пена' – *šov-dā*; *ur* 'белка' – *ur-dā*; *vaz* 'шапка' – *vaz'-dā* и др. (МСК).

Регрессивная ассимиляция по глухости со стороны аффиксального согласного наблюдается и в форме абессива, который имеет только один вариант – *-ftəmā*, который (в нарушение закона сингармонизма) присоединяется как к велярным, так и палатальным основам, в отличие от соседних икающих говоров, где закон сингармонизма при агглютинации вариантов падежного аффикса сохраняется: к велярной основе присоединяется алломорф с гласными заднего ряда и с велярными согласными, к палатальной основе – алломорф с гласными переднего ряда и с палатальными и палатализованными согласными: ик. *sut-ftəmā*, *strup-ftəmā*, но *kit'-ft'əmē*, *s'it'-ft'əmē*; ср.: сзг. *sut-ftəmā*, *strup-ftəmā*, *kit'-ftəmā*, *s'et'-ftəmā* (МСК).

Во всех внутриместных падежах (инессиве, элативе, иллативе) на морфемном шве происходит сращение корневой и суффиксальной морфем в результате аффрикации конечного взрывного согласного корня (*d*, *d'*) и начального щелевого согласного суффиксальной морфемы (*s*, *s'*), например: в инессиве – *ku[d + s]ā* → *ku[c]ā*, элативе – *ku[d + s]tā* → *ku[c]tā*, иллативе – *ku[d + s]* → *ku[c]*; в инессиве – *ve[d' + s]ā* → *ve[c]ā*, элативе – *ve[d' + s]tā* → *ve[c]tā*, иллативе – *ve[d' + s]* → *ve[c]* (информанты: Амбаева, Миронова, Канаева). Такое же сращение имеет место и в форме компаратива при агглютинации аффиксальной морфемы с начальным шипящим *-škā*, где на морфемном шве соседство смычного *d*, *d'* (корневой морфемы) и шипящего *š* (аффиксальной морфемы) дает велярную аффрикату *č*: *ku[d + š]kā* → *ku[č]kā*, *ve[d' + š]kā* → *ve[č]kā*.

В словах, оканчивающихся на звонкий взрывной согласный *d*, *d'* или *b* перед морфемой транслатива *-ks* основа удлиняется, например: *t'ijəms kudə-ks* 'превратить в дом', *moli vid'ə-ks* 'поносит кого-либо'.

В заимствованиях из русского языка глухой согласный конца слова языка-оригинала, как в односложных, так и двусложных словах, наоборот, произносится звонко, например: *brad* 'брат', *səvad* 'сват', *kravad* 'кровать', *kr'oz* 'крест', *klaz* 'класс' и др. (информанты: Амбаева, Миронова, Макаров).

При склонении конечные звонкие щелевые согласные основы сохраняются во всей парадигме основного склонения; основы на взрывные *d*, *d'*, *b* ведут себя так же, как и исконные слова, оканчивающиеся на эти же согласные.

Парадигма множественного числа основного склонения в мокшанском языке состоит всего из одного падежа – номинатива с показателем *-t/-t'*, который в словах с гласными заднего ряда и велярными согласными выступает в твердом варианте *-t*, а в словах с гласными переднего ряда и палатализованными согласными – в варианте *-t'*. В двенадцати

косвенных падежах единственное и множественное число представлено одной формой и различается контекстуально.

Отличительной особенностью мокшанского языка является то, что в форме множественного числа основного склонения перед глухим согласными *t*, *t'* аффикса все звонкие согласные конца основы под действием регрессивной контактной ассимиляции оглушаются. В рассматриваемых говорах отклонений от данной закономерности не наблюдается – основа существительного перед аффиксом множественного числа глухая: *b* → *p*, *v* → *f*, *d* → *t*, *d'* → *t'*, *ž* → *š*, *z* → *s*, *z'* → *s'*, *l* → *L*, *l'* → *L'*, *r* → *R*, *r'* → *R*, *j* → *J*; *m* → *p*, *n* → *t*, *n'* → *t'*, например: *snav* – *snaf-t* ‘горошина, горох – горошины’, *klub* – *klup-t* ‘клуб – клубы’, *kud* – *kut-t* ‘дом – дома’, *s'ed* – *s'et'-t* ‘мост – мосты’, *kež* – *keš-t* ‘злость, злоба’, *kuz* – *kus-t* ‘ель – ели’, *vaz'* – *vas'-t* ‘шапка – шапки’ и др. (МСК).

Именно в данной форме на морфемном шве в период самостоятельного развития мокшанского языка появились глухие пары у сонорных согласных *l*, *l'*, *r*, *r'*, *j*, пополнившие фонологическую систему языка на пять фонем – *L*, *L'*, *R*, *R*, *J*: *val* – *vaL-t* ‘слово – слова’, *mel'* – *meL'-t* ‘желание – желания’, *pej* – *peJ-t* ‘зуб – зубы’, *ur* – *uR-t* ‘белка – белки’, *par'* – *paR'-t* ‘кадушка, бочка – кадушки, бочки’, которые, употребляясь лишь в позиции середины слова, выполняют смысловоразличительную функцию: *val-ně* – *vaL-ně* ‘мои слова – эти слова; твои слова’, *mel'-t* – *meL'-t* ‘этого желания – желания’, *pej-n'an* – *peJ-n'an* ‘моих зубов – этих зубов; твоих зубов’. Оглушение наблюдается даже в основах, оканчивающихся на сонорные *m*, *n*, *n'*, которые, не имея глухих пар, заменяются артикуляционно близкими глухими согласными: *m* ~ *p*, *n* ~ *t*, *n'* ~ *t'*, например: *š š'am* – *š š'ap-t* ‘одежда’, *jan* – *jat-t* ‘тропа – тропы’, *ulman'* – *ulmat'-t* ‘золовка (сестра мужа) – золовки’ (информанты: Амбаева, Миронова).

Заключение

Анализ имеющегося диалектного материала позволил нам выявить морфонологические особенности мокшанских говоров сузгарьевского типа. Обращение к этим говорам не было случайным, так как на территории Рузаевского района в непосредственной близости проживают носители мокшанских говоров всех трех типов – äкающие, экающие и икающие.

Сузгарьевский тип занимает промежуточное положение между более архаичными äкающими и менее архаичными икающими говорами, поскольку они в своем развитии сохранили некоторые элементы историчности, например йотацию в начале слова или дифтонгические сочетания перед сонорным, в то же время приобрели новые, к которым относится нарушение закона сингармонизма при агглютинации падежных аффиксов в формах аблатива, пролатива, абессива. Рассматриваемый тип говоров, по сравнению с соседним левжинским, более инновационен и в плане вторичности некоторых фонем, что нашло отражение в лексических и грамматических морфемах. В области гласных основ встречается одна аовая (в левжинском типе говоров их две) и четыре неаовые основы. В парадигме основного склонения изменения в первую очередь коснулись неаовых основ (исходная основа оканчивается на гласные *e*, *i*, *u*, *ě*, *ä*).

Аовая основа (оканчивается на гласную *a*) представлена одним вариантом – она сохранилась во всех формах: *jalga* – *jalga-n'*, *jalga-dä*, *jalga-t*.

Основы на редуцированные гласные сзг. *ě*, *ä* // лвж. *ä*, *ä* ведут себя неодинаково. Так, после одиночного согласного, сочетания сонорных или любого согласного со целевым встречаются два варианта основ: *pil'ě-/pil'ä-*; *s'ulmā-/s'ulmā-* (гласная основа во всех падежных формах сохраняется). Если редуцированный гласный оказывается после сочетания любого согласного со взрывным (кроме *d*, *d'*, *t*, *t'*), то перед нами предстают три варианта основ: *čivgě-/čivgä-/čivk-*; *šalkā-/šalka-/šalk-*. В форме номинатива, генитива, каузатива перед сонорным аффикса гласный сохраняется; в форме аблатива, инессива, элатива, иллатива, абессива и в форме номинатива множественного числа перед взрывными *t*, *t'*, и целевыми *s*, *f* он выпадает, образуя усеченную основу на согласный, который сам впоследствии подвергается регрессивному оглушению): *čivgě* – *čivgä-n'* – *čivgä-n'di* – *čivgä-ŋksä*; *čivk-tä* – *čivk-*

să – čivk-stă – čivk-ftămă – čivk-t. Самое большое количество вариантов (четыре) у основ на редуцированный гласный, которому предшествует сочетание согласных со взрывным *d, d', t, t'*: *pandă-/pandə-/pant-/pan-*. Четвертый, усеченный, вариант *pan-* появляется после выпадения редуцированного гласного основы и последующей аффрикатизации $[d, d', t, t'] + [s] \rightarrow [c]$ на морфемном стыке в формах инессива, элатива и иллатива, что в итоге приводит к ее переразложению: *pandă – pandə + -să → pan[d + -s]ă → pan + [c]ă*.

Основа на гласную сзг. *e < ä* // лвж. *ä*, где *e* – вторичная гласная, восходящая к об. мк.³¹ **ä < об. мд. *a*, имеет два варианта: *val'me-/val'ma-*. Гласная исходной основы *e* сохраняется перед мягким согласным аффикса в форме генитива и датива, а в аблативе, инессиве, элативе, иллативе, лативе, пролативе, транлативе, компаративе, абессиве, каузативе, в номинативе множественного числа, под действием регрессивной контактной аккомодации со стороны последующего твердого согласного чередуется с *a* (сзг. *e*, лвж. *ä* // *a*): *val'me* // *val'mä* – лвж. сзг. *val'me-n'*, лвж. *val'mä-n'*, но сзг., лвж. *val'ma-dă, val'ma-t*; ср.: э. *val'ma – val'ma-t*. Соответствие сзг. *e*, лвж. *ä* // *a* в эрзянском языке гласного заднего ряда *a* подтверждает архаичность *a*.

Основы на гласные *u, i (î)* имеют по три варианта: *kelu-/keluvə-/keluf-*; *s'el'i-/s'el'ijə-/s'el'ij-*; *ješi-/ješijə-/ješiJ-*. В исходной форме они являются усеченными и восходят к общемордовским дифтонгическим сочетаниям **uv, *ij (*îj)*: *karu < *karuv, s'el'i < *s'el'ij, eši < *ešij*, которые восстанавливаются в форме генитива, датива, каузатива, транслатива перед интерфиксальным гласным, способствующим удлинению исторической основы в положении между консонантами разных морфем: *kelu – keluvə-n'*; *suvəz'i – suvəz'ijə-n'd'i*. В форме множественного числа согласные *v, j* сохранились, однако подверглись, как и все звонкие согласные, регрессивной ассимиляции по глухости – *v → f, j → J*: *kelu → keluf-t, suvəz'i → suvəz'ij-t*.

Согласные основы, в зависимости от качества исходного консонанта и конкретной фонетической позиции, имеют следующие варианты: 1) *val-/valə-/vaL-*; 2) *kud-/kudə-/kut-/ku-*; 3) *saras-/sarazə-/saraz-*; 4) *loman'-/loman'ə-/lomat'-*; 5) *san-/sanə-/sat-*; 6) *acam-/acamə-/acap-*. Все согласные основы в генитиве, дативе, каузативе перед аффиксальным сонорным в результате интерфиксализации удлиняются: *valə-n', pejə-n'd'i, kovə-ŋksă*. В основах на сонорные *r, r'* удлинение наблюдается также в инессиве, элативе, иллативе, компаративе перед щелевыми *s, š*: *vir'ə-să, vir'ə-stă, vir'ə-s, vir'ə-ška*. Односложные основы на звонкий согласный (*kuz, vaz', kež, pej* и др.) сохраняют качество конечного согласного во всех падежных формах (за исключением основ на *d, d'* и *b*), включая номинатив единственного числа. Конечные *d, d', b, g* претерпевают регрессивное оглушение в форме аблатива и абессива: *sud – sut-tă, sut-ftămă; strub 'сруб' – strup-tă, strup-ftămă*. Во внутриместных падежах и в форме компаратива на морфемном шве в результате аффрикатизации наблюдается сращение корневого *d, d'* с аффиксальным щелевым (*c, c'; š*) и переразложение основы: *ku[d + s]ă → ku[c]ă, ku[d + š]kă = ku[č]kă*. В исходе двусложных слов звонкие шумные *z, z', ž* оглушаются: *imăš, но imăžə-n'; kelas', но kelaz'ə-n'*. В форме множественного числа перед аффиксальными *t, t'* все звонкие согласные конца основы оглушаются: *b → p, v → f, d → t, d' → t', ž → š, z → s, z' → s', l → L, l' → L', r → R, r' → R, j → J*; непарные сонорные заменяются ближайшими глухими согласными: *m → p, n → t, n' → t': š'š'am – š'š'ap-t, jan – jat-t*.

Таким образом, в статье выявлены и описаны морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. Диалектный материал констатирует варьирование исходной основы существительного в разных падежных формах в зависимости от качества ауслаутной фонемы, а также ее фонетического окружения. Теоретический и практический материал позволит обогатить имеющиеся знания по диалектам мокшанского языка, дальнейшее исследование которых с применением современных методов позволит создать кластерную классификацию мокшанского языка.

³¹ об. мк. – общемокшанский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Иванова Г.С., Водясова Л.П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка. *Вестник угроведения*. 2023;13(1):63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
Ivanova G.S., Vodyasova L.P. Inflectional Potential of the Demonstrative Declension in the Transitional Dialect of the Moksha Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):63–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
2. Цыганкин Д.В. Ареальная морфонология форм категории определенности. *Linguistika Uralica*. 1991;27(1):51–56. <https://doi.org/10.3176/lu.1991.1.09>
Tsygankin D.V. Die Areale Morphologie Von Formen Der Kategorie Der Bestimmtheit. *Linguistika Uralica*. 1991;27(1):51–56. (In Russ., abstract in Germ.) <https://doi.org/10.3176/lu.1991.1.09>
3. Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
4. Мосин М.В., Мосина Н.М. Система согласных в середине финно-угорской основы слова в мордовских языках. *Вестник угроведения*. 2020;10(2):282–291. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
Mosin M.V., Mosina N.M. The Consonant System in the Middle of the Finno-Ugric Word Stem in the Mordovian Languages. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(2):282–291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Иванова Г.С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках. *Сибирский филологический журнал*. 2021;(4):168–180. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
Ivanova G.S. On the Origin of Consonant Complexes in the Mordovian Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2021;(4):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
6. Безенова М.П. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна. *Урало-алтайские исследования*. 2023;(3):7–22. URL: <https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-50-8-23.pdf> (дата обращения: 02.01.2025).
Bezenova M.P. Dialect Basis of the First Udmurt Translations of the Gospel of John. *Ural-Altai Studies*. 2023;(3):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-50-8-23.pdf> (accessed 02.01.2025).
7. Карпова Л.Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(4):462–473. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8340> (дата обращения: 02.01.2025).
Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Cheptsä Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8340> (accessed 02.01.2025).
8. Муллонен И.И., Новак И.П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII – начала XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024;21(3):720–740. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>
Mullonen I.I., Novak I.P. Old-Karelian Language Features in Written Language Heritage of the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024;21(3):720–740. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>
9. Норманская Ю.В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? *Урало-алтайские исследования*. 2024;(1):86–97. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
Normanskaja J.V. Does the North-West Dialect Belong to Meadow or Hill Mari? *Ural-Altai Studies*. 2024;(1):86–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
10. Жебряткина И.Я., Иванова Н.В. Особенности словообразования в мокшанских переходных говорах рузавского ареала. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15(4):1113–1117. <https://doi.org/10.30853/phlil20220175>
Zhebratkina I.Ya., Ivanova N.V. Peculiarities of Word Formation in the Moksha Transitional Dialects of the Ruzaevka Area. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(4):1113–1117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phlil20220175>
11. Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов. *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):7–20. EDN: TTGGDM
Arkhangelskiy T.A. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altai Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TTGGDM
12. Новак И. П. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных). *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):103–132. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-103-132>
Novak I.P. Application of the Clustering Technique to Dialect Division of the Karelian Language (Case Study of the Distribution of Front Fricative Consonants). *Ural-Altai Studies*. 2021;(2):103–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-103-132>
13. Кондратьева Н.В., Пушина Н.И. Функционирование финно-угорских языков Российской Федерации в эпоху цифровизации. *Вестник угроведения*. 2022;12(2):377–385. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>

- Kondratyeva N.V., Pushina N.I. Functioning of the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation in the Epoch of Digitalization. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(2):377–385. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
14. Стриелковски В., Корнеева Е.Н., Шерстобитова А.А., Платицын А.Ю. Стратегическое управление университетом в контексте цифровизации: опыт ведущих университетов мира. *Интеграция образования*. 2022;26(3):402–417. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
Strielkowski W., Korneeva E.N., Sherstobitova A.A., Platitzyn A.Yu. Strategic University Management in the Context of Digitalization: The Experience of the World's Leading Universities. *Integration of Education*. 2022;26(3):402–417. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
 15. Иванова Г.С., Жебряткина И.Я. Словоизменительный потенциал имени существительного в языках агглютинативного типа (на материале диалектов мокшанского языка). *Язык и культура*. 2020;(49):66–82. <https://doi.org/10.17223/19996195/49/4>
Ivanova G.S., Zhebratkina I.Ya. The Inflectional Potential of a Noun in the Payovsko-Adashevsky Accents of the Moksha Language. *Language and Culture*. 2020;(49):66–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19996195/49/4>
 16. Цыганкин Д.В., Агафонова Н.А., Рябов И.Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала. *Финно-угорский мир*. 2021;13(3):254–264. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264>
Tsygankin D.V., Agafonova N.A., Ryabov I.N. Archaic and Innovative Phenomena in the Case Paradigms of the Erzya Dialects in the Volga Region and the Southern Urals. *Finno-Ugric World*. 2021;13(3):254–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264>

Информация об авторах:

Иванова Галина Софроновна, доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-код: 9672-5363, galina17-05@yandex.ru

Водясова Любовь Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-код: 8388-6461, LVodjasova@yandex.ru

Иванова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Морской технической академии имени адмирала Д. Н. Сенявина (198260, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр-т Народного Ополчения, д. 189), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>, nataliva1990@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. С. Иванова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Л. П. Водясова – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования.

Н. В. Иванова – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 02.01.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2025; принята к публикации 22.02.2025.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-code: 9672-5363, galina17-05@yandex.ru

Lyubov P. Vodyasova, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (11A Studencheskaya St., Saransk 430007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-code: 8388-6461, LVodjasova@yandex.ru

Natalja V. Ivanova, Cand.Sci. (Philol.), Lecturer, Department of the English Languages, Admiral Senyavin Maritime Technical Academy (189 Narodnogo Opolcheniya Prospect, St. Petersburg 198260, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>, nataliva1990@mail.ru

Authors contribution:

G. S. Ivanova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

L. P. Vodyasova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology.

N. V. Ivanova – conducting a research and investigation process, specifically performing the data.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 02.01.2025; revised 16.02.2025; accepted 22.02.2025.